

ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ КСЕНОДЕНОТАТИВНЫХ ДИМИНУТИВОВ

С.С. Тахтарова, Д.Л. Абузярова

Статья посвящена рассмотрению лингвоэкологического аспекта ксеноденотативной тактики, реализующей стратегии коммуникативного смягчения. Автор приходит к выводу, что использование ксеноденотативных диминутивов в эмотивной коммуникации создает благожелательную тональность общения, направленную на оптимизацию коммуникативного контакта и на сохранение коммуникативной экосистемы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвоэкология, эмотивная коммуникация, митигация, диминутив, стратегия и тактика

ТАХТАРОВА Светлана Салаватовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода Казанского (Приволжского) федерального университета. alfia@mail.ru

АБУЗЯРОВА Дарья Леониодовна – преподаватель кафедры теории и практики перевода Казанского (Приволжского) федерального университета. cooly.93@mail.ru

Цитирование: Тахтарова С.С., Абузярова Д.Л. Лингвоэкологическая функция ксеноденотативных диминутивов [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2018, № 4. – С. 118–131. Режим доступа: www.tverlingua.ru

LINGUOECOLOGICAL FUNCTION OF XENODENOTATIVE DIMINUTIVE

Svetlana S. Takhtarova, Darya L. Abusyarova

The paper is devoted to the consideration of the linguoecological aspect of xenodenotative tactics that implements the strategies of communicative mitigation. The author comes to the conclusion that the use of xenodenotative diminutives in emotive communication creates a benevolent tonality of communication aimed at optimizing communicative contact and preserving the communicative ecosystem.

KEY WORDS: linguoecology, emotive communication, mitigation, diminutive, strategy and tactics

TAKHTAROVA Svetlana S. - DSc in Philology, Head of Department of Theory and Practice of Translation and Interpreting, Kasan Federal University. alfia@mail.ru

ABUSYAROVA Darya L. – assistant of Department of Theory and Practice of Translation and Interpreting, Kasan Federal University. cooly.93@mail.ru

Citation: Takhtarova S.S., Abusyarova D.L. The Name of the Rose is the love of books // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2018, № 4. – P. 118–131. Access mode: www.tverlingua.ru

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ 18-012-00226 А

*«Эмоциональное слово, его энергетическая мощь
часто сопоставимы с самыми сильными
физическими действиями»*

В.И. Шаховский

Коммуникативная парадигма, активно развивающаяся в последние десятилетия и вовлекающая в фокус лингвистических исследований различные аспекты реализации в общении взаимоотношений говорящих субъектов, психологических, социальных, этнокультурных детерминант интеракции, определила возрастающую роль междисциплинарного подхода к изучению их активного взаимного воздействия субъектов коммуникации на экосистемы друг друга. Как известно, активность, будучи атрибутивным признаком homo sapiens, источником поддержания им жизненно важных связей с окружающим миром, обнаруживает себя в форме различных регулятивных механизмов – мотивационных, когнитивных и эмоциональных (Субъект..., 2005: 229). Необходимость регуляции коммуникативного поведения обусловлена прежде всего потенциальной конфликтностью самого

общения, различиями в «прагматике говорящего» и «прагматике слушающего», расхождением коммуникативных целей собеседников, нежеланием одного или обоих коммуникативных партнеров учитывать интересы собеседника в процессе общения, эгоцентрической вербализацией своих интенций.

Несмотря на то, что кооперативность общения является несомненной коммуникативной ценностью, многими исследователями отмечается рост агрессивности, конфликтности во взаимоотношениях людей, тесно связанных с нарушением языковых, этических и коммуникативных норм в общении. В этой связи все большее значение приобретают исследования, посвященные изучению нормативных аспектов коммуникативного поведения, обеспечивающих сохранение экосистем говорящих субъектов, к которым с полным основанием можно отнести такое относительно новое научное направление как эмотивная лингвоэкология (Эмотивная лингвоэкология, 2013). Согласно В.И.Шаховскому, основателю данного направления, эмотивная лингвоэкология – это наука об охране здоровья языка, языковой среды, окружающей человека, как части природы и здоровья самого *homo loquens* (Шаховский, 2016: 12). Любое общение, по мнению ученого, с которым нельзя не согласиться, должно приводить к взаимному улучшению самочувствия коммуникантов и к повышению их самооценки. Регуляторами коммуникативного поведения общающихся в эмоциональных ситуациях должны стать знание и владение коммуникативными приемами эмоционального тьюнинга, взаимной настройки друг на друга, толерантности и коммуникативного смягчения.

Для сохранения и эффективного функционирования языковой экосистемы особое значение приобретает соблюдение не только языковых, но и речевых, коммуникативных норм в общении. Интеракция, построенная в соответствии с принятыми в обществе нормами общения, определяется как «экологичная», направленная на кооперативное, унисонное протекание коммуникативного контакта.

К примерам «неэкологичного» использования языка традиционно относят неуместное и неправильное использование иноязычных слов, использование иностранных слов с неправильным референтом, стилистические нарушения, бюрократизация языка и речи (экспансия канцелярского стиля), наплыв заимствований (преимущественно англицизмов), жаргонизация и вульгаризация речевого общения, легализация сквернословия и др. Так, например, «неэкологичным» является использование первыми лицами государства в публичных выступлениях сниженной, инвективной лексики.

Однако спектр лингвоэкологической проблематики является, по мнению В.И.Шаховского, более широким и не ограничивается вышеперечисленными примерами «неэкологического» употребления языковых единиц. Исходя из того, что коммуникативная среда обитания говорящего субъекта также подвержена влиянию Другого, диалогична по своей сути, такие факты нарушения коммуникативного мира *homo loquens*, как нанесение обид, оскорблений, пренебрежение, использование негативных оценок, неуважительное отношение, грубость и другие конфликтогенные формы речевого поведения, а также пути и средства их предотвращения или смягчения с необходимостью должны включаться в сферу исследовательских интересов этой новой научной парадигмы, расширяя интралингвальный аспект лингвоэкологических штудий.

Исходя из вышеизложенного, к основным параметрам экологичной коммуникации можно отнести доброжелательность, стремление партнеров по коммуникации избегать негативных оценок личности собеседника, создание и сохранение общей позитивной, доброжелательной тональности общения, в обеспечении которых особую роль наряду с такими коммуникативными категориями, как толерантность, вежливость, речевой этикет, играет митигация или категория коммуникативного смягчения (Abusyarova D., Takhtarova S., 2016). Митигативные стратегии и тактики, направленные на гармонизацию коммуникативного взаимодействия путем

создания позитивной эмоциональной модальности, относятся, по мнению С.В.Ионовой, к социальным факторам экологичности общения (Ионова, 2013: 97).

В последнее время в лингвистических работах, посвященных проблемам эмотивно маркированной коммуникации, традиционным стало выделение двух типов последней – эмоциональной и эмотивной коммуникации. Так, в частности, ещё в работе А. Марти отмечалась необходимость дифференциации интенциональных, планируемых, и неинтенциональных, спонтанных, форм выражения эмоций в речи. Интенционально-стратегическое представление аффективной информации характерно, согласно автору, для персуазивного использования языка, в то время как спонтанное проявление эмоций определяется им как экспрессивное или катарсическое. В соответствии с этим предлагается различать, соответственно, эмотивную и эмоциональную коммуникацию (А. Marty, 1908). Как отмечает Т.В. Ларина, эмотивная коммуникация ориентирована на собеседника и используется говорящим в стратегических целях демонстрации доброжелательного отношения к собеседнику, предотвращения возможных конфликтов, выполняя, тем самым, социальную функцию гармонизации общения (Ларина, 2009: 120). Исходя из того, что контролируемое проявление эмоций, сознательное регулирование интенсивности вербализации последних характеризует, как указывалось выше, эмотивную коммуникацию, можно сделать вывод, что митигативно маркированная интеракция является эмотивной, ориентированной на нахождение компромисса между внутренними мирами собеседников, на установление своеобразного эмоционального баланса. Как отмечает К. Каффи, митигация представляет собой процесс взаимной ментальной и эмоциональной «настройки» собеседников в процессе общения (Caffi, 2007: 121).

Умение адресанта отобрать наиболее адекватные средства для вербализации своих эмотивных интенций, правильно сочетать влияние

конвенциональных и субъективных факторов лежит, как известно, в основе коммуникативной компетенции говорящего субъекта, важной составляющей которой является эмотивная компетенция. Мы солидарны с В.И. Шаховским, отмечающим, что «наше мышление базируется не столько на языке, сколько на субъективных, в т.ч. и эмоциональных, понятиях, которые задаются эмоциональным дейксисом говорящего и его эмоциональным ментальным стилем, входящими в его эмоциональный интеллект» (Шаховский, 2006: 67). Эмоции, являясь облигаторным компонентом национального сознания, выступают мотивирующим элементом большинства коммуникативных прескрипций для кооперативной, гармоничной коммуникации. Эмотивная компетенция отражает способность говорящего к эмотивной эмпатии, умение контролировать свои эмоции, выбирая тот способ вербализации последних, который будет адекватен планируемому эмоциональному воздействию и реализуемой «большой программе речи», т.е. определяет возможность «экспрессивной игры» адресанта при репрезентации последним своих интенций.

Вместе с тем, как известно, в рамках одного высказывания крайне редко реализуется только одна интенция говорящего субъекта. Как правило, сама проблема речевого выбора говорящим коммуникативных стратегий, вербализующих его интенции, отражает решение адресанта в пользу того, какая из интенций будет представлена эксплицитно в его высказывании, а какая (какие) будут реализованы косвенно, имплицитно. Этот выбор осложняется тем фактом, что данные интенции зачастую вступают между собой в конфликт. Так, например, говорящему в ситуации критического оценивания адресата приходится выбирать между стремлением к честности и нежеланием обидеть партнера по коммуникации. Мы солидарны с И.Н. Борисовой, отмечающей доминирующую роль в непринужденном разговорном диалоге модально-фатического блока, представляющего собой подсознательную психологическую установку на поддержание контакта в

желаемой тональности с данным коммуникативным партнером в данной коммуникативной ситуации (Борисова, 2009: 120).

Указанная сложность при вербализации нескольких интенций в рамках одного высказывания не может не отразиться на экспрессивности речевого поведения говорящего. Это особенно ярко проявляется в эмоционально маркированных потенциально «конфликтогенных» ситуациях, к которым относятся, в частности, вербализация директивных интенций, позитивных и негативных оценок говорящего самому себе, а также ситуации критики адресата или объектов с ним связанных. В таких ситуациях основная интенция говорящего вступает в противоречие с фатической интенцией, направленной на сохранение коммуникативного контакта, если, конечно, в интенции адресанта не входит сознательное желание обидеть собеседника и прекратить, тем самым, общение с ним.

Коммуникативное поведение говорящего субъекта в таких потенциально конфликтогенных ситуациях может развиваться по экологичному/конструктивному сценарию, направленному на такое урегулирование конфликта, при котором коммуникативный имидж и интересы обоих собеседников будут сохранены и учтены, так и неэкологичному/деструктивному, нацеленному на дальнейшую эскалацию конфликта. Выбор говорящими конкретной модели поведения – конфликтной или кооперативной, - обусловлен целым рядом факторов, как личностно-психологических, так и социальных. Как известно, социальные и индивидуальные свойства личности формируют определенный устойчивый стиль коммуникативного поведения в потенциально конфликтогенных ситуациях, который характерен для того или иного типа личности. Сформированный устойчивый индивидуальный стиль, во многом определяемый природными особенностями личности и реализуемый используемыми ею вербальными и невербальными средствами общения, свидетельствует об уровне коммуникативной компетенции говорящего субъекта.

Индивидуально-личностный аспект мотивационной составляющей речевой деятельности говорящего субъекта находит свое отражение в субъективных компонентах речи, т.е. в тех компонентах высказывания/текста, которые соотносимы с породившим его субъектом (Рябцева, 2005: 377). Благодаря присутствию и взаимодействию в высказывании указанных компонентов реализуется выраженное в нем «внутреннее» ментальное намерение говорящего, его ситуативный, коммуникативный, интенциональный смысл. Они соотносят высказывание с текущей ситуацией общения, субъектом сознания, речи и поведения, актуализируют его намерение и отношение к адресату, устанавливают контакт с ним, задают его участие в ситуации и др. Способ выражения субъективных компонентов речи задает дистанцию и стиль общения, показывает отношение говорящего к адресату и предмету речи. К субъективным компонентам речи можно с полным основанием отнести и эмотивно-экспрессивную составляющую интеракции.

Согласно И.Н. Борисовой, тип коммуникативной координации, обусловленный двумя основными факторами – типом взаимодействия иллокутивных намерений коммуникантов в процессе общения и характером модальных реакций в рамках интеракции, включающих тональность общения, тип оценочности и пр., определяет модус интегративности текста диалога, а именно, его межличностную коммуникативную модальность. Автором предлагаются следующие типы коммуникативной координации: консенсность (согласие, гармоничность, иллокутивная и модальная согласованность), конформность (иллокутивная согласованность при модально-тональной нейтральности и незаинтересованности и пассивности одного из партнеров), полемичность (иллокутивная согласованность и сохранение нейтральной модальности при различии мнений) и конфликтность (рассогласованность, противоречивость, способная доходить до столкновения иллокутивных намерений и модальных реакций) (Борисова, 2009).

Таким образом, развитие коммуникативно обусловленных сценариев (даже в рамках заданного жанра) разнообразно: от экологичного, кооперативного до неэкологичного, конфликтного. Выбор того или иного варианта сценария зависит от типа личности участников конфликта, их коммуникативного опыта, коммуникативной компетенции, коммуникативных установок, коммуникативных предпочтений. Речевое поведение *homo loquens* характеризуется разнообразием форм, обусловленным спецификой норм и правил дискурсивной деятельности коммуникантов, однако в основе данного разнообразия лежат, в большинстве случаев, два основных вида стратегий, регулирующих речевое поведение коммуникантов – кооперативные и конфронтационные. К конфронтационным стратегиям традиционно относят инвективную, стратегии агрессии, насилия, дискредитации, подчинения, принуждения, разоблачения и др. Для их реализации используются конфронтационные тактики угрозы, запугивания, упрёка, обвинения, издевки, колкости, оскорбления, провокации и др.

Кооперативные стратегии и тактики, обеспечивающие экологичность дискурсивных практик и сохранение, тем самым, общей коммуникативной экосистемы говорящих субъектов, также разнообразны и включают как конвенциональные (речевой этикет, косвенные директивы, эвфемизмы и политкорректность и проч.), так и индивидуально-маркированные тактики, репрезентирующие лингвокреативный потенциал коммуникантов.

Одним из наиболее ярких примеров лингвокреативного использования митигативных средств в экологической функции являются ксеноденотативные диминутивы, которые, как отмечает В.Д. Девкин, могут приобретать особую коммуникативную значимость в процессе изменения референтной соотнесенности указанных дериватов (Девкин, 2005: 138). Следует отметить, что употребление диминутивов традиционно выделяется как одна из особенностей разговорной речи, представляя собой «выражение своеобразно понимаемой вежливости» (Крысин, 2003: 66). Кроме того,

использование диминутивных дериватов, по справедливому замечанию Л.Л. Федоровой, это приближение по шкале *свой-чужой*, в результате которого происходит вовлечение адресата в общее коммуникативное пространство, обычно сочетаемое с положительными коннотациями или эмоциями, включающими в себя весь спектр контекстно обусловленных значений: нежности, жалости, удовольствия, приветливости и т.п. (Федорова, 2005: 187).

Таким образом, данная тактика, отражая коммуникативную интенцию адресанта, направленную на создание определённой атмосферы общения, благоприятной для реализации говорящим его конечной интенции - директивной, оценочной и проч., направлена на обеспечение кооперативного/экологичного протекания дискурсивного контакта, например:

- *Счас огурчиков вам порежу, капустки... - хлопотала Анисья, сама все нет-нет да глянет на Кондрата*

- *Самое главное. Так.. ну что, дядя Кондрат?... Сфотографируем по стаканчику? (Шукшин, 2006: 33).*

- *Пошли кофейку тяпнем. Вчера я кексик испекла и с собой пару кусочков прихватила (Донцова, 2008: 83).*

- *Как устроился-то? Слушай, приезжай сегодня ко мне! Этак к вечерку. Баньку протопим, с неводишком на речку сбегает... (Шукшин, 2006: 35).*

Особого внимания заслуживают случаи ксеноденотативного использования языковых единиц, которые объективно не должны были бы подвергаться уменьшению, так как по своей семантике являются обозначением строго отмеренного времени – *минута, неделя, год* и т.п. Указанные диминутивы активно используются при смягчении директивной иллокуции, снижая возможные неудобства адресата, связанные с выполнением просьбы, например:

1) - *Фатя, - перебила я Бекоеву, - если я прикачу на твой гламурный пляж, уделишь мне полчасика? Двигаться тебе не придется, шевелить надо будет только языком* (Донцова, 2008: 252).

- *Линзы забыла вставить ... Сейчас, Лешенька, ещё полминутки подожди* (Маринина, 2007: 12).

Таким образом, вышеизложенное позволяет сделать вывод о несомненном лингвоэкологическом потенциале данной митигативной тактики. Использование ксеноденотативных диминутивов в эмотивной коммуникации создает эффект доброжелательности, который, по мнению Т.Г. Винокур, можно рассматривать как своеобразную языковую игру, направленную на создание «эффекта коммуникативной интимизации» (Винокур, 2005: 103).

Несмотря на то, что конфликты вообще и коммуникативные конфликты, в частности, сопровождают нашу жизнь и неизбежны в процессе общения, поведение говорящего субъекта в потенциально конфликтогенных ситуациях может с особой наглядностью продемонстрировать уровень коммуникативной компетенции последнего, его способность к эмоциональному тьюнингу, а также сформированность его лингвоэкологической и эмотивной компетенции. Все это в целом проявляется в выборе кооперативных стратегий и тактик, обеспечивающих экологичность коммуникативного поведения интерактантов и сохранение лингвоэкологического баланса.

Источники – Primary Sources

Донцова, 2008 – *Донцова Д.А. Канкан на поминках. – М.: Эксмо, 2008. – 320с.*

Маринина, 2007 – *Маринина А.Б. Убийца поневоле. – М.: Эксмо, 2007. – 322с.*

Шукшин, 2006 – *Шукшин В.М. В профиль и анфас: рассказы. – М.: АСТ: Зебра Е, 2006. – 576с.*

Ссылки – References in Russian

Борисова, 2009 – *Борисова И.Н.* Русский разговорный диалог: Структура и динамика. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 320 с.

Винокур, 2005 – *Винокур Т.Г.* Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. – М.: КомКнига, 2005. – 176 с.

Девкин, 2005 – *Девкин В.Д.* Немецкая лексикография. – М.: Высшая школа, 2005. – 670 с.

Ионова, 2013 – *Ионова С.В.* Признаки экологичности и проблема их выделения в лингвоэкологии // Эмотивная лингвоэкология в коммуникативном пространстве / Науч. ред. В.И. Шаховский. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. – С. 89–97.

Крысин, 2003 – *Крысин Л.П.* Формы существования (подсистемы) русского национального языка // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / отв. ред. Л.П.Крысин. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 33–77.

Ларина, 2009 – *Ларина Т.В.* Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 512 с.

Рябцева, 2005 – *Рябцева Н.К.* Язык и естественный интеллект. – М.: Academia, 2005. – 640 с.

Субъект, личность и психология человеческого бытия, 2005 – *Субъект, личность и психология человеческого бытия* / Под ред. В.В. Знакова и З.И. Рябинкиной. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005. – 384с.

Федорова, 2005 – *Федорова Л.Л.* Грамматика диалога: основные категории. – М.: Диалог, 2005. – 256 с.

Шаховский, 2016 – *Шаховский В.И.* Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции. – Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2016. – 504с.

Шаховский, 2009 – *Шаховский В.И.* Эмоции – мотивационная основа человеческого сознания // Вопросы психолингвистики. – 2006. – Вып.4. – С. 64–69.

Эмотивная лингвоэкология в коммуникативном пространстве, 2013 – *Эмотивная лингвоэкология в коммуникативном пространстве* / Науч. ред. В.И. Шаховский. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. – 450 с.

References

Abusyarova, D., Takhtarova, S. (2016) Conflict communication: linguoecological aspect // *Journal of Organizational Culture, Communications and Conflict*. Volume 20, Special Issue 2, / Ed.Courtney R. Kernek, Southeastern Oklahoma State University, Jordan Whitney Enterprises, Inc., USA, pp.154–158.

Borisova, I.N. (2009) *Russian conversation: Structure and dynamics*. 320 p. (in Russian).

Devkin, V.D. (2005) *German lexicography*, M. 670 p. (in Russian).

Caffi, C. (2007) *Mitigation*, Amsterdam, Elsevier, 342 p.

Emotive linguoecology in the communicative space (2013) Volgograd. 450 p. (in Russian).

Fedorova, L.L. (2005) *Grammar of dialogue: basic categories*, M., 256 p. (in Russian).

Ionova, S.V. (2013) Signs of sustainability and the problem of selection in the linguistic ecology // *Emotive linguoecology in the communicative space*, Volgograd, pp. 89–97. (in Russian).

Krysin, L.P. (2003) Forms of existence (subsystem) of the Russian national language // *Modern Russian language: social and functional differentiation*, M., pp. 33–77. (in Russian).

Larina, T.V. (2009) Category of politeness and communication style. М. 512 p. (in Russian).

Marty, A. (1908) *Untersuchungen zur Grundlegung der allgemein Grammatik und Sprachphilosophie*, Halle an der Saale: Niemeyer. 764 S.

Ryabtseva, N.K. (2005) *Language and natural intelligence*, М. 640 p. (in Russian).

Shakhovskiy, V.I. (2016) *Dissonance of ecology in the communicative circle: person, language, emotions*, Volgograd. 504 p. (in Russian).

Shakhovskiy, V.I. (2006) Emotions - motivational basis of human consciousness // *Questions of psycholinguistics*, Vol.4, pp. 64–69. (in Russian).

Subject, personality and psychology of human existence (2005), М. 384 p. (in Russian).

Vinokur, T.G. (2005) *Speaking and listening. Variants of speech behavior*, М. 176 p. (in Russian).